

АНАСТАСИЯ СЛАВНОВА

НАЧАЛО

СОДЕРЖАНИЕ

5

НАЧАЛО
Новая серия работ

49

АВТОБИОГРАФИЯ

58 Выставка «Наедине
со стихией»

78 Выставка «Стирая
границы»

90 Список выставок

93

ПРОГУЛКА

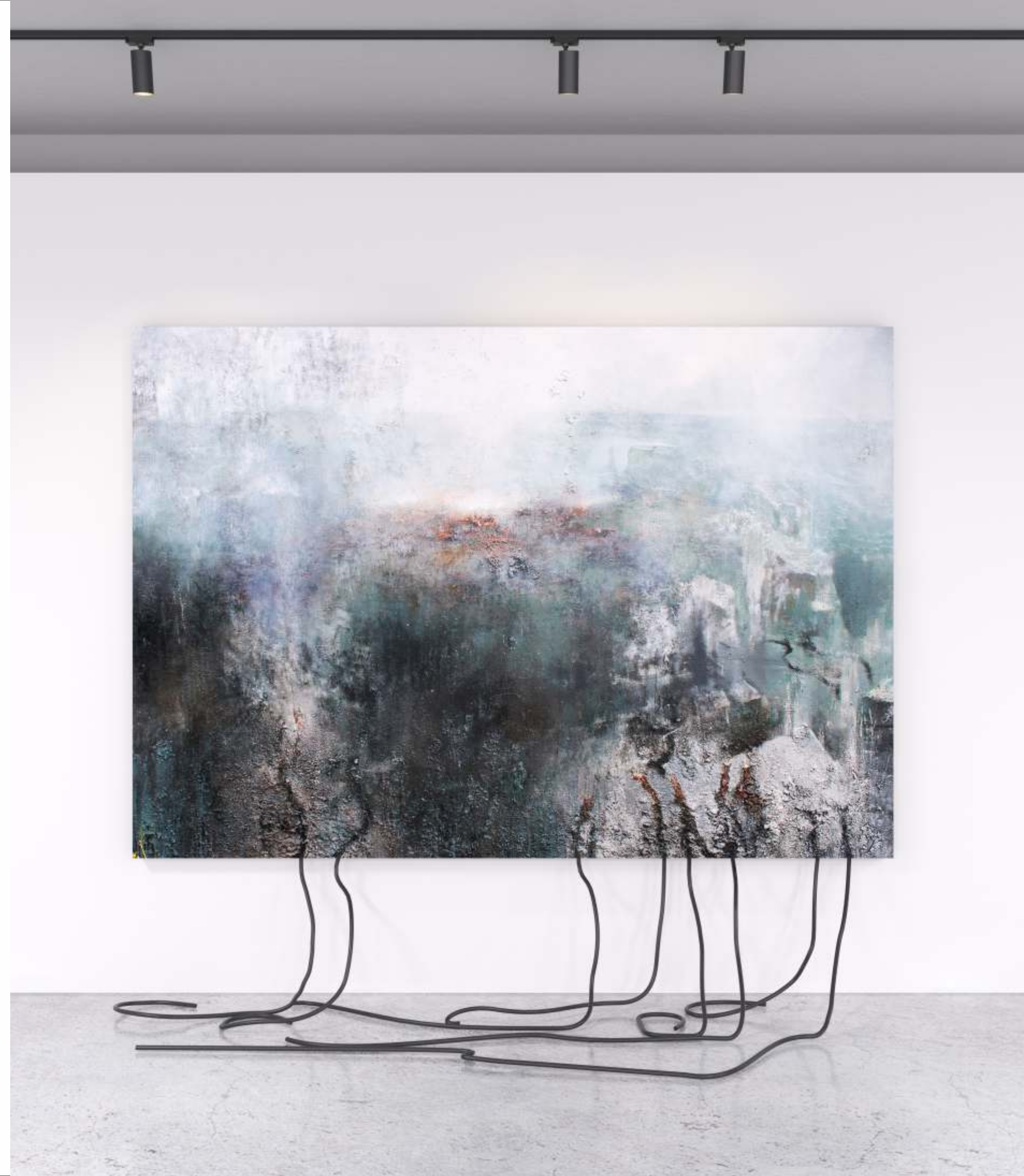
НАЧАЛО

Новая серия работ

Описание этой серии работ не сформировано в единый текст, а натянуто между картин как путеводная нить, идя за которой, можно проследить авторский замысел как каждого отдельного произведения, так и всей серии в целом.

Воспользоваться нитью или блуждать самостоятельно – решает только зритель. Добро пожаловать в лабиринт!

Феникс. 2023-2024. Холст, масло, акрил. 265 × 185 cm

Апатия. Отсутствие желаний. Стагнация. Великое «все равно», что спасает каждый день миллионы людей от перегрева двигателя, порой является причиной его поломки. Дойдя до апогея, оно уничтожает даже быстрее переживаний, противостоять которым его задача.

Уединение. 2023. Холст, масло, акрил. 70 × 50 см

Безразличие создает для человека информационный карантин, закрывая его от окружающего мира, погружая в темноту.

Такой процесс носит весьма болезненный характер. В это время нужна лишь стойкость, в моменты, когда слышно лишь жуткий скрежет своих мыслей, дует ветер, и пламя фонаря вот-вот угаснет, нужно найти в себе силы продержаться до рассвета. Новый день начинается с приходом темноты. Ночью мы видим сны. Закрывая глаза, можно представить себе цветущий сад.

Новости. 2023. Холст, масло, акрил. 70 × 50 cm

Inside

2023 - 2024

Холст, масло, акрил.

100 × 100 cm

Это произведение неразрывно связано с картиной «Outside» (стр. 15) общей идеей. Являясь частями одного целого, произведения «Inside» и «Outside» отображают трансформацию взгляда на один и тот же ландшафт и переход от одного видения к другому.

Outside

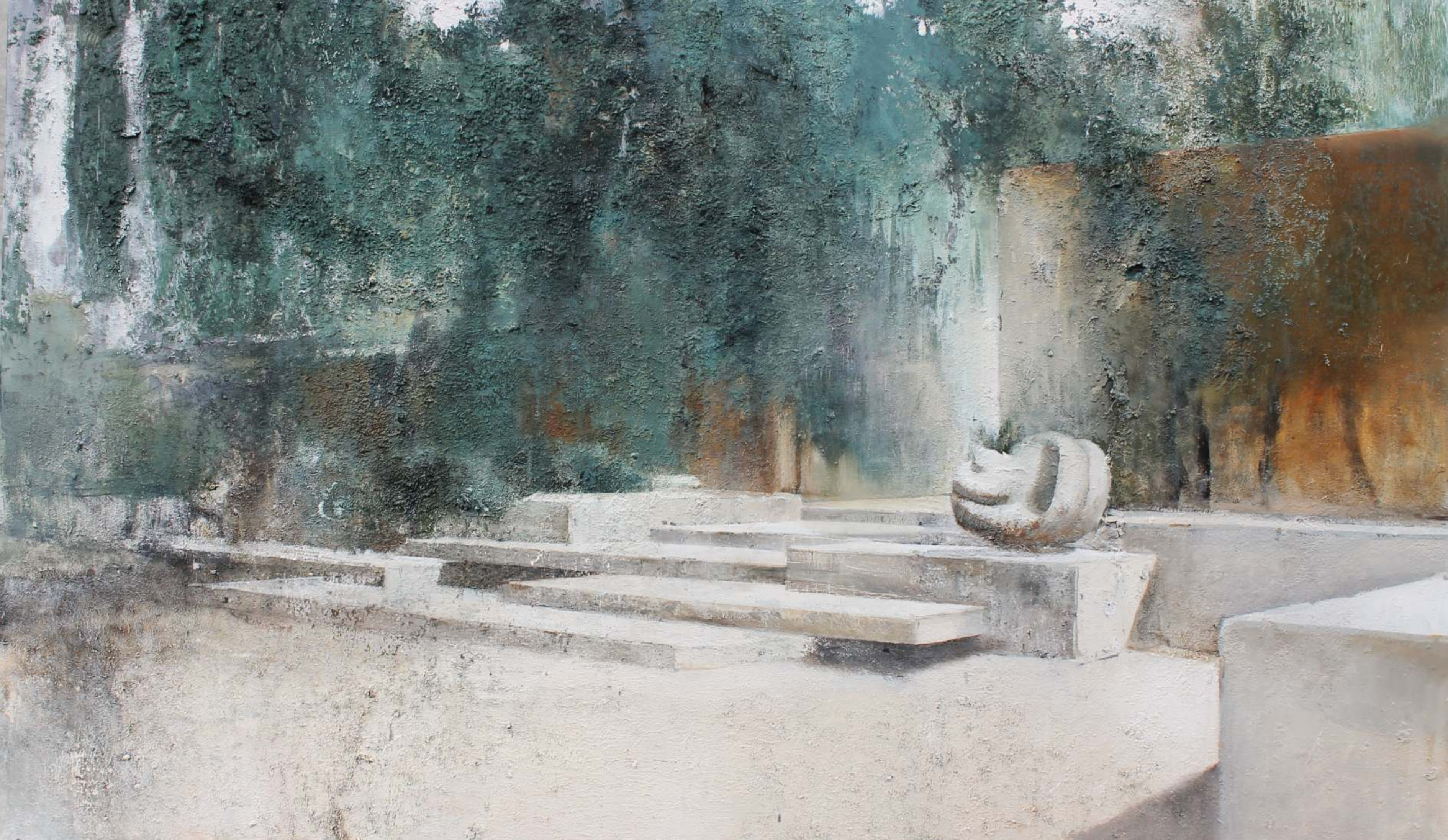
2023 - 2024

Холст, масло, акрил.

100 × 100

стр. 16 - 17 Вход в сад. 2023 - 2024. Холст, масло, акрил. 100 × 170 cm

В саду под ветвями деревьев находится источник. Это место отдыха и восстановления сил, что дает энергию и толчок для дальнейшего роста и развития за пределы старой формы.

Источник. 2023. Холст, масло, акрил. 140 × 100 см

У выхода из сада расположился храм, он не похож на все остальные, так как является плодом воображения и не обязан придерживаться канонов. Под действием влившихся энергий он будто трансформируется в двух направлениях, очищаясь от ненужного и наносного, возвращаясь к исходному, неизменно стремиться к новому.

Храм. 2024. Холст, масло, акрил. 60 × 40 см

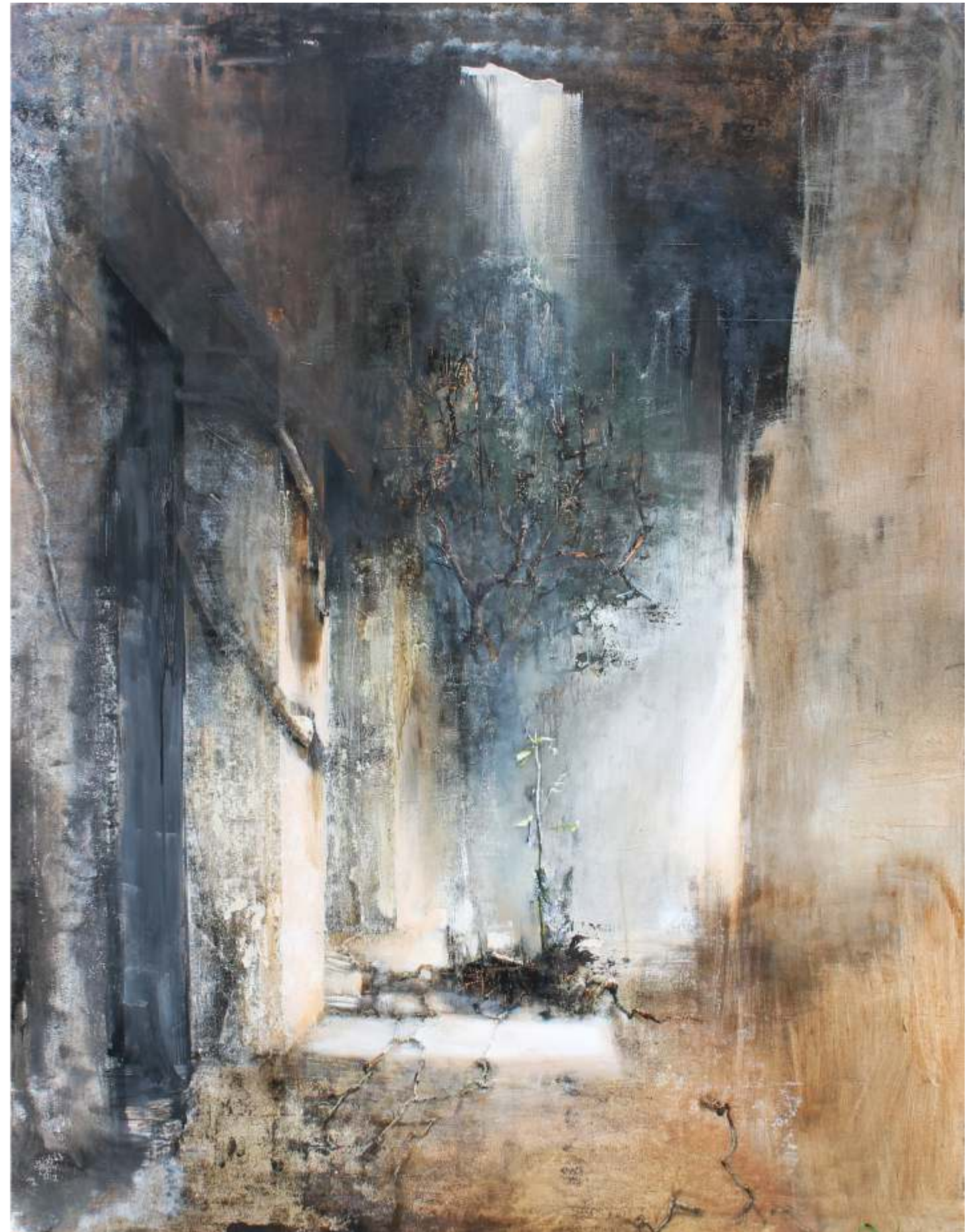

Жизнь

2023-2024

Холст, масло, акрил.

180 × 140 cm

За пределы формы

2023-2024

Холст, масло, акрил.

120 × 100 cm

За пределы формы. II

2024

Холст, масло, акрил.

60 × 60 cm

стр. 28 -29 Перемены. 2023. Холст, масло, акрил. 100 × 150 cm

Глубинная трансформация не может происходить гладко и спокойно, она порой сотрясает основы бытия, дабы нужное сохранилось, а то, что должно уйти, освободило место новому.

Очищение. 2023. Холст, масло, акрил. 100 × 80 см

Но старое не сдает своих позиций. Неожиданно все оставленное, пройденное и забытое начинает возвращаться. В агонии своей оно выделяет акробатические номера, на которые, казалось, раньше не было способно. Оно почти как новое, но его выдает ржавчина. Ржавчина – разрушительная химическая реакция, иллюстрирующая последствия отравления временем, подсвечивающая и демонстрирующая нам пережитки прошлого.

Дождь. 2024. Холст, масло, акрил. 160 × 90 см

Сквозь время

2024

Холст, масло, акрил.

120 × 100 cm

Прорыв

2023 - 2024

Холст, масло, акрил.

170 × 140 cm

Страх

2023

Холст, масло, акрил.

80 × 80 cm

стр. 40-41 На свету. 2023 - 2024. Холст, масло, акрил. 90 × 160 cm

Сжимаясь в комок, все отжившее себя окрашивается в темные оттенки. Сил у него недостаточно, поэтому максимальная концентрация становится единственным способом выжить. Так, все ранее не имевшее четких очертаний, превратившись в материальное от излишнего уплотнения, рассыпается и раздувается ветром.

На свету II. 2023. Холст, масло, акрил. 100 × 80 см

Для нового не осталось преград. Пройдя вместе с отжившим через точку максимального сжатия, оно, имея большую силу, вышло в другое пространство, что рано или поздно вновь сожмет его, но не сегодня.

Феникс II. 2023. Холст, масло, акрил. 100 × 80 см

Открывая глаза, мы видим первые лучи солнца.

Рассвет. 2023 - 2024. Холст, масло, акрил. 180 × 140 cm

АВТОБИОГРАФИЯ

Начну я не с начала, но надеюсь, логические цепочки моего повествования еще приведут читателя в мое детство, период, важность которого в жизни человека сложно переоценить, но, как выясняется в последнее время, все же возможно. Я поведу свой рассказ с того дня, когда было положено начало этой книги.

Зимним холодным вечером, сидя у себя в мастерской, я мысленно расхаживала по своим внутренним архивам. Ни одна прочитанная либо услышанная мной информация, ни одна книга не встает здесь на полку в цельном виде. Некоторые страницы из нее вырезаются, зачеркиваются даты, имена и подробности, не несущие в себе особой ценности, то, что осталось, подшивается в папки. Тем самым я освобождаю место для маневра на случай, если потребуется не просто выдать готовую информацию, а произвести некое умственное усилие и сгенерировать ее самостоятельно. По прошествии времени многие такие папки удаляются вовсе за ненужностью, сгорают в периоды внутренних обновлений. Вместе с тем уходит все, что безумно необходимо в социальной среде. Я сейчас говорю про корешки книг. Кто? где? когда? – важнейшие вопросы, по ответам на которые судят об умственных способностях человека.

Я не имею привычки отождествлять интеллект человека с его внутренней библиотекой, но в тот день я поддалась этому мнению и, обойдя свою довольно быстро, посчитала себя полным ничтожеством. Эти мысли начали захватывать меня и поедать целиком. Я пустилась во все тяжкие и довела себя практически до полного самоуничтожения, до точки, маленькой, жалкой точки.

В таком минимальном объеме мне пришлось пребывать не долго. Сжавшись до предела, точка медленно начала расти. Вдруг, из ниоткуда, будто бы открылась дверь, и бурный поток идей захлестнул меня с головой, не давая опомниться и продолжить над собой издеваться.

Так как мое повествование невзначай задело тему образования и образованности, я хотела бы сразу отметить, что не являюсь противником ни первого, ни второго, но, если речь идет именно о системе образования, взаимодействие с ней всегда вызывало у меня дискомфорт.

Школьные годы в моих воспоминаниях смешались в один день, очень долгий день, где я сижу в классе и смотрю в окно, ожидая звонка. Мне было сложно получать знания принудительно, по четкому расписанию. Творчество в тот период я в себе отрицала, как нечто мешающее комфортному существованию в среде, которая меня окружала. Учителя меня часто ругали за несобранность, отсутствующий взгляд и уж тем более за желание немного украсить тетрадь иллюстрациями не по теме урока. Благодаря чему я научилась пребывать в своем мире незаметно для окружающих, имитируя эффект присутствия молчаливым спокойствием.

К старшим классам, несмотря ни на что, вулкан проснулся. Я наконец снова начала рисовать и даже участвовать в выставках, прогуливать школу, чем вызывала еще большее недовольство учителей. Но благодаря моей маме, что поддерживала меня тогда и делает это и по сей день, мне удалось справиться с их давлением.

Это было время эксперимента, я делала все, что только придет мне в голову, не зажимая себя рамками. В ход шли самые разные материалы. Я смешивала и использовала их в довольно неожиданных комбинациях. К примеру, покрывала холст перцем вместе с канцелярским клеем и содой, грунтуя то, что получилось после высыхания, акрилом. Кстати говоря, этот эксперимент был на удивление удачным, фактура полностью закрывала холст и напоминала старинную фреску.

Смелости моим экспериментам придал один случай, произошедший со мной в раннем детстве. Мы с бабушкой что-то вместе мастерили. Я предложила приклеить к обыкновенному тонкому листу А4 тяжелые камушки на клей, не рассчитанный для подобных безумств. Бабушка сказал, что они однозначно отвалятся. Стоить отметить, что для меня авторитет моего деда, который знал, как мне казалось, абсолютно все, был всегда очень значимым. Но в пять лет ничьим авторитетом мой авантюризм было не задавить. И я сделала это! Выдавила несколько крошечных капелек и крепко прижала камушки к листку. Эта работа много лет хранилась у меня в знак победы творческого начала над разумным.

Но разумное начало во мне тоже было, и оно говорило мне, что после школы необходимо поступать в университет. Это же говорило мне разумное начало всех окружающих меня людей. Выбрав специальность архитектора, я отправилась в поход за знаниями в Уральский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова в родном городе Перми – поход длинною в две недели. Для похода вполне достаточно, решила я и уверенно забрала документы.

Воспоминания об этих двух неделях богаты на цитаты преподавателей. Если не говорить о тех, в которых аргументируется тот факт, что женщина не может быть архитектором, вспоминается только одна, как раз принадлежащая женщине. Она сообщила нам о том, что они не могут научить нас прекрасному, научить летать, но могут выдать нам костыли в виде законов композиции, требований и архитектурных норм. Если в итоге задача была полететь, то начинать с костылей явно не стоило. Поэтому я решила поискать свое счастье в другом месте. И подобно человеку с шизофренией, делающему одинаковые действия, надеясь на другой результат, я снова пошла в архитектурный университет, но на этот раз уже в Санкт-Петербурге. Мой выбор пал на Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет, и результат действительно был другим, на этот раз я продержалась целых четыре года из пяти, необходимых для завершения обучения.

Описать студенческие годы я могу точно так же, как в школе: длинный урок, окно, звонок... Как уже можно было догадаться, творчество опять начало угасать, несмотря на мои тщетные попытки разжечь этот костер под проливным дождем из проектов, расчетов отопления и канализации. Напрашивается уместный вопрос: почему нельзя было сразу поступить на живопись и писать себе в удовольствие? Несмотря на логичность такого выбора, я никогда не рассматривала этот вариант. Я видела работы учеников художественных училищ и смущало меня то, что в большинстве своем они абсолютно одинаковые. В тех заведениях, где мне довелось побывать, знаком качества являлась не столько ценность художественного высказывания, сколько соответствие заданному образцу. Я всегда знала, что мой путь неразрывно связан с живописью и то, что он не будет пролегать через классическое образование в этой области тоже. Сейчас я понимаю – тот опыт, что я получила в архитектурном университете, сильно помог мне в живописи. Мне удалось вырваться из плоскостного мышления в объемное и тем самым расширить горизонты своих возможностей.

На первых курсах прошла моя первая персональная выставка. В ее основу легли впечатления от поездок по Европе, в частности Франции, Италии, Испании и Германии. Первая и единственная за тот период, так как все остальное время отнимала учеба. Самым странным, на мой взгляд, занятием было испытание строительных материалов. Мы их стучали, замачивали, чуть ли не грызли зубами. Некоторые шоркали на специальных машинах, наблюдая и записывая время, за которое аппарат добьется своего. Размышляя сейчас отстраненно, зачем это было нужно, у меня появляется сразу несколько версий. Возможно, наш ВУЗ с особым недоверием относился к техническим характеристикам материалов, указанных на их упаковках. Возможно, нам наглядно хотели показать, что будет с нашими творениями спустя время. Как безжалостная машина легко уничтожала рубероид, так и время не советовало нам обольщаться, планируя демонстрировать свои постройки потомкам в том виде, что мы их задумали. Наверное, поэтому многие архитекторы особенно усердно разрабатывают первые и последние этажи зданий, оснащая их большим количеством проработанных деталей. Логика здесь может быть такая: если случится так, что засыплет, будет видно только красоту, а если вдруг снесет – то же самое.

Главным предметом на нашей кафедре, конечно же, было архитектурное проектирование. На четвертом курсе проекты становились все более масштабными, и, как следствие, все более регламентируемыми СНиП. Любая фантазия могла оказаться неугодной своду правил, что нависал над нами большой темной шапкой, и, следовательно, проекты студентов становились все более похожими друг на друга. Творческий голод уже давал о себе знать. Листая очередной том строительных норм, я ощущала, что закончу как листок, который сушат дети между страниц книг для школьных гербариев. Но в один прекрасный день мне позвонил мой знакомый и предложил встретиться с коллекционером.

Знакомство с Валентином Носкиным было как глоток свежего воздуха. Меня пригласили на встречу в одно арт-пространство на Невском проспекте. Валентин Алексеевич, как всегда, был в компании художников. Позднее он позвал всех к себе домой на Каменоостровский проспект, дом 6, уже почти легендарное место встреч петербургских живописцев, скульпторов, деятелей культуры и просто любителей искусства.

Очувтившись в его пространстве, я была просто поражена. В огромной квартире картин не было только лишь на потолке. Все остальное место, стены и даже двери покрывали плотным ковром произведения искусства. Этот дом полностью отражал своего хозяина – незаурядную личность, харизматичного человека с тонким чувством юмора, что как магнит притягивал к себе людей.

С того вечера начался удивительный период моей жизни: я подружилась со многими художниками и творческими людьми. Это вдохновило меня, погрузило совсем в другую атмосферу. Все вокруг будто закружилось в постоянном празднике, открытиях выставок, творческих встречах. До этого я даже не представляла, что за выцветшими фасадами петербургской недвижимости бурлит такая красочная жизнь.

Я снова начала участвовать в выставках и писать художественные произведения, на что очень негативно отреагировали преподаватели в университете. «Вам не усидеть на двух стульях», – так сказал один из них. Казалось бы, художник и архитектор не такие уж и разные стулья и, если копнуть в глубину веков, мы сможем убедиться в этом. Шутки ради можно предположить – тот факт, что живопись сливается с дизайном, является противодействием отчуждению живописи от архитектуры. Она заходит с черного входа. Я же в то время потихоньку стремилась к черному выходу из университета. Не решившись сразу на отчаянный шаг, для начала я решила взять академический отпуск на год.

Падение песка в этих часах я чувствовала будто кожей, как и холодное дыхание надвигающихся серых будней. Поэтому по истечении этого периода я вернулась в университет с просьбой о продлении моего отпуска еще на год. Если бы так можно было делать бесконечно, я бы до сих пор ходила с бумагами в деканат, но увы, дольше двух лет академический отпуск никому не давали. Забрать документы сразу и с легкой душой мне в тот период мешала плотина, похожая на ту, что строят бобры. Только в мою деревья стаскивали знакомые, друзья и родственники, с которыми мы общались на тему образования.

В итоге плотину, конечно же, смело, но ее обломки еще долгое время оставались в реке, отравляя ее сомнениями и угрызениями совести. После того, как я забрала документы из университета, у меня даже были идеи продолжить образование в другом месте, но их смыло бурным течением, течением самой жизни.

Гранат
2017. Бумага, темпера. 75 × 75 cm

Картина из графической серии того времени. Находится в частной коллекции Валентина Носкина.

Белое безмолвие
2019. Холст, масло, акрил. 90 × 100 cm

В период академического отпуска я вновь начала создавать художественные произведения. Я довольно много работала несмотря на то, что мои картины в то время почти не продавались. Выживать мне помогала поддержка моей семьи, в которой в один момент начался кризис.

То время больно обжигает меня даже сейчас, когда всплывает в памяти и выливается на эти страницы. Мне не хотелось бы долго задерживаться в этом состоянии, перечислять все тяготы, что нам пришлось пережить, среди которых переезд в недостроенный дом за городом посреди зимы и боль утраты близкого. На меня сильно повлияло то чувство незащищенности перед силами природы и то ощущение, в которое оно трансформировалось. Это дало начало первой выставке, о которой я могу рассказать более подробно. Тот день, когда ее идея пришла мне в голову, я помню, как сейчас, он стал переломным моментом в моем творческом пути.

Я шла по пляжу Ладожского озера в судорожных поисках идей, как можно улучшить наше финансовое положение. Я думала, как можно сделать свое творчество более продажным, подстроить его под покупательский спрос. Как бы кошунственно это ни звучало, на тот момент мне казалось это меньшим злом, чем отказаться от него совсем и устремиться в другую сферу в поисках средств для существования. Можно было бы, конечно, заниматься творчеством в свободное время, но как выяснилось в период обучения в ВУЗе, у меня плохо получается совмещать творческий процесс с каким-либо другим. И тот факт, что любой человек искусства соединяет в своей деятельности и творчество, и работу, является большим испытанием силы духа, стойкости и честности в первую очередь с самим собой. Когда речь заходит о выживании, сложно услышать голос музыки, гораздо легче услышать голос толпы, что просит в свой интерьер яркую картину или желает хорошо провести время за бокалом вина, создав подобный шедевр на мастер-классе при помощи художника.

В конце концов, я сильно устала от мыслительного процесса, что происходил тогда у меня в голове. Описать его довольно сложно, и в той паре строк, что я уделила ему, совершенно не чувствуется напряжения, что я испытывала. Можно было уже сойти с ума в момент, когда все мысли будто остановились и выстроились в ряд. Наступила тишина. Шеренга стояла в ожидании приказа, и он явился из неоткуда. «Пошли все вон!» — скомандовало нечто внутри меня, и мыслям ничего не оставалось делать, как подчиниться. Разбредаясь кто куда, они оставили берег озера чистым, теперь ничто не загораживало вид, ровный горизонт впереди, шум прибоя. И тут, откуда ни возьмись, пришло оно — название моей новой серии работ. «Наедине со стихией» прозвучало в голове так же отчетливо, как приказ, изгнавший все прочие мысли.

Это словосочетание озаглавило весь пережитый мной период. Я пустилась в чистое творчество без оглядки на завтрашний день, угрожавший мне истощением всех оставшихся запасов. Я отправила эти угрозы к тем самым мыслям, что столпились вокруг меня на берегу озера. Не знаю, где они собрались и чем были заняты, но на время они оставили меня в покое и дали завершить серию, что неоднократно была выставлена под своим названием и имела довольно большой успех.

НАЕДИНЕ СО СТИХИЕЙ

В современном мире, где борьба за экологию набирает обороты, природа воспринимается как жертва. И если посмотреть под определенным углом, так и есть. Но можно взглянуть иначе, если вспомнить про ее мощь и силу. Человек, как заигравшийся ребенок, провозгласил себя королем и играет в своей песочнице, что уже стала напоминать помойку. Со временем человек растет. Ощувив в себе истинную силу, он уже не направит ее на разрушение, ощутив в себе силы и мощь природы, он тоже начнет создавать.

Противостояние. 2020. Холст, масло, акрил. 140 × 170 cm

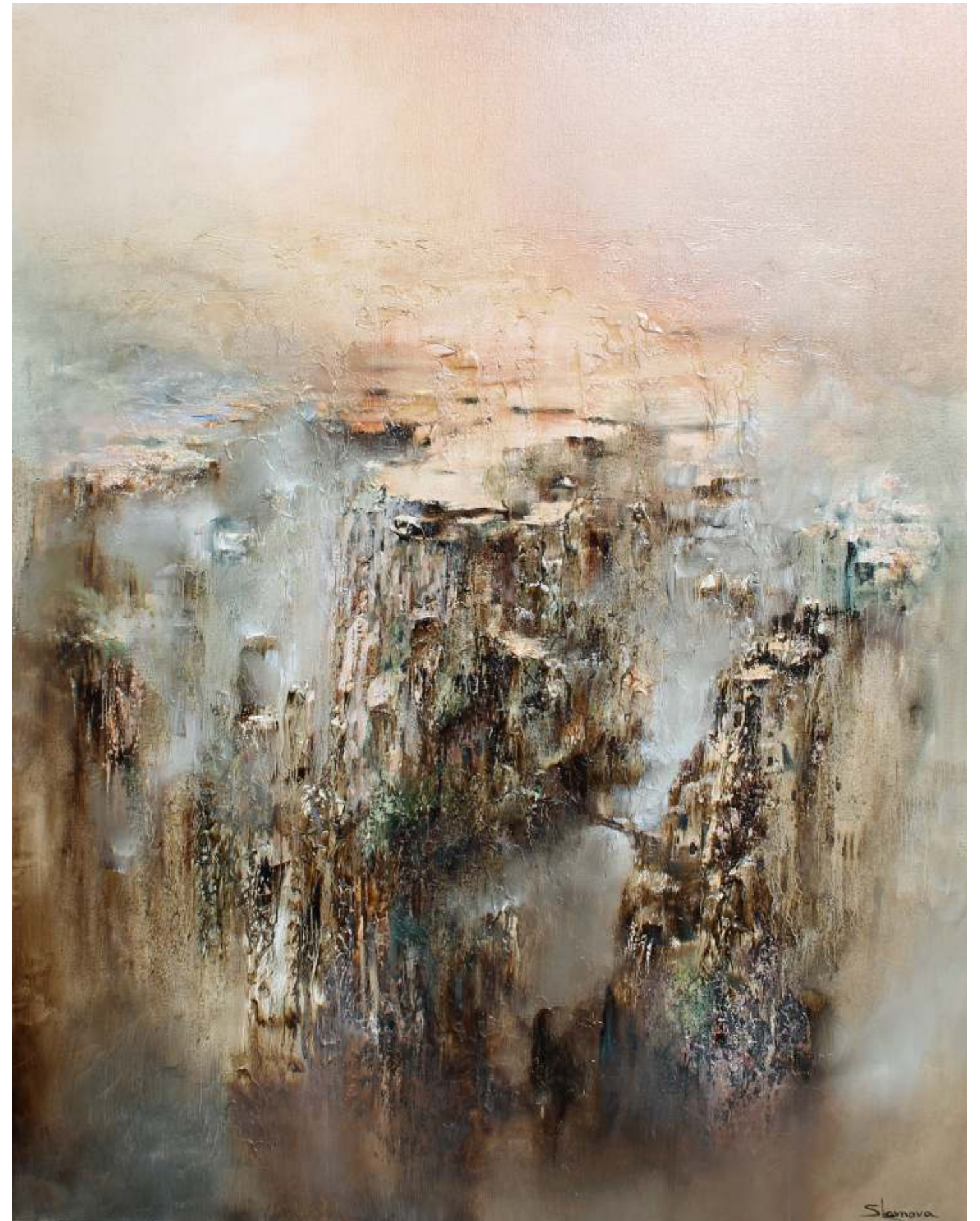

Тени цивилизаций

2020

Холст, масло, акрил.

100 × 80

В снежном плену

2019-2020

Холст, масло, акрил.

80 × 80

стр. 64-65 На грани. 2020. Холст, масло, акрил. 88 × 190 см

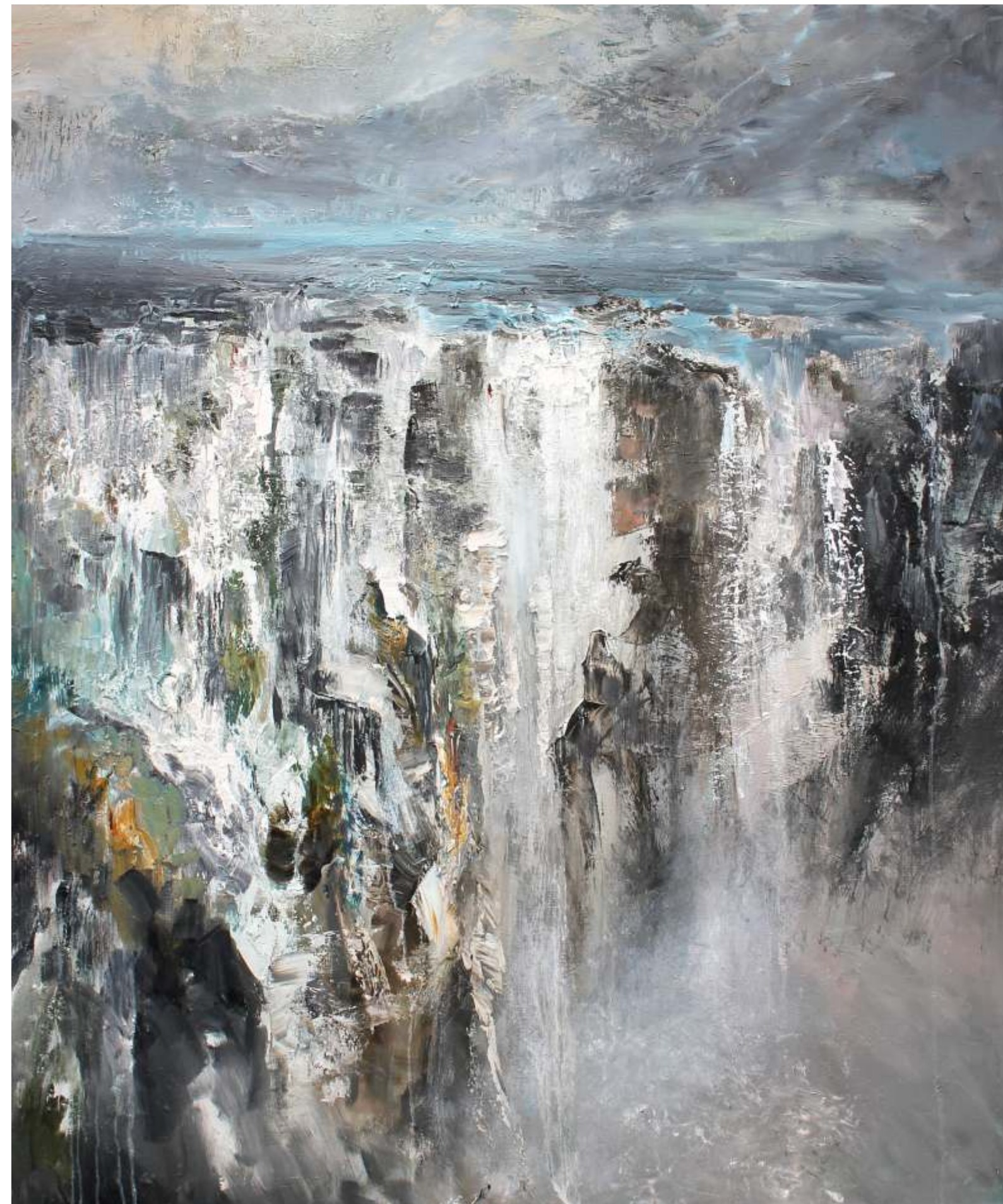
Левый рисунок
1914 г.
1914 г.

Небесные водопады

2020

Холст, масло, акрил.

120 × 100

Отрывок из текста описания выставки гласил: «Природные образы помогают уйти от внешнего и соединиться со своей внутренней первобытной сущностью». Первобытное в данном случае не стоит воспринимать как нечто недостаточно развитое, нечто дикое с отсутствием качеств, что воспитало в себе окультуренное. Речь идет скорее о поиске связующего звена, что объединяет человека со всем живым вокруг и делает его частью не социальных процессов, а других, не сравнимых с ними в масштабах.

Пробуждение. 2020. Холст, масло, акрил. 140 × 170 cm

Выставка «Наедине со стихией» в Центральном выставочном зале, г. Пермь.

Выставка «Наедине со стихией» прошла в трех городах. Я впервые получила такой положительный отклик от зрителей, дала несколько интервью для СМИ. Мои работы начали покупать. Я смогла позволить себе открыть в Санкт-Петербурге студию в креативном кластере DAA. Мастерская так и оставалась за городом, но у меня появилось место для встреч и демонстрации своего искусства галеристам и просто любителям живописи.

Этот, казалось бы, успех, таил в себе новую опасность. Понравившиеся работы напрашивались на тираж. Были даже заказы авторских повторов, которые каждый раз мне давались все с большим трудом. Те эмоции, что в полной мере выплеснулись на полотно, не поддавались копированию. Любое переживание не может длиться вечно, и тиражировать работы на одни и те же темы значит начать лукавить в своем творчестве. В таком случае произведения выходят более чем посредственные, даже техника становится проще, примитивнее, уже не в хорошем значении этого слова. Удивительно, что один и тот же сюжет в исполнении одного художника может быть как наполненным, так и совершенно безжизненным. Здесь присутствует очень тонкая грань, по которой довольно сложно пройти. Одно дело, когда тема произведений захлестнула с головой, и художник на разных холстах исследует, изучает композиционно, выстраивает свою идею в поисках наилучшего варианта или просто выражает многогранность исследуемой темы. Другое дело, когда работа продолжается долгое время, и произведения начинают копироваться с коммерческой целью. В таком случае река творчества иссушается.

Когда работы поставлены на поток, художественный процесс начинает сводиться к чисто механическому. Однажды мне сказали так, будто знают истину, что я зря трачу время, переводя холсты. Тогда все модельеры просто портят ткань, писатели переводят бумагу, все человечество своим существованием просто губит и засоряет планету. Эти тезисы сложно опровергнуть. Если посмотреть на процесс со стороны, то, действительно, белоснежная поверхность холста вдруг начинает накапливать в себе красочный слой, что лишает его девственной чистоты. Казалось бы, нужно немедленно прекратить этим заниматься, не только из сострадания к холсту, но из соображений бесцельности данного занятия. В таком случае, бесцельно загрязнять планету тоже лучше прекратить. Все эти мысли трансформируются в суицидальные, и никак иначе быть не может, когда материю покидает дух, когда все сводится лишь к физическим процессам. Но живопись живет, а значит, что-то ее наполняет, и задача художника – не дать исчезнуть той энергии, что делает из ремесленника живописца.

Исчерпав свое вдохновение, я отправилась на поиски новых тем, что возродят желание и вдохнут жизнь в мои полотна. В то время меня увлекли литературные произведения Германа Гесса, в особенности «Игра в бисер». В сюжетную нить романа вплетено стихотворение, написанное главным героем, оно носит название «Преодолеть пределы!». Этот приказ, призывный клич к собственной личности велел оставить насиженный палисадник и устремиться к новому, преодолевая внутренние барьеры. Это именно то, что мне хотелось на тот момент сделать. Я будто уткнулась в потолок и безумно хотела выбраться в новое пространство, перешагнуть очередной предел. Бывает так, что жизнь сама толкает на их преодоление, но в тот момент меня толкали не события из внешнего

мира, а мое безумное желание, усилие воли. Вокруг меня был полный штиль, не двигалось ничего, тогда я сама стала источником этого движения и начала готовить выставку «Преодолеть пределы».

Вдохновившись новой темой, я сразу приступила к работе. В моей голове было с десяток образов, что я выразила на новых холстах. Мне нетерпелось найти для этой выставки подходящее пространство. После недолгих раздумий мой выбор пал на музей современного искусства «Эрарта» в Санкт-Петербурге, эту экспозицию я видела именно там. Я подала заявку на проведение выставки, и мои работы заинтересовали куратора музея Марию Ягушевскую. С тех пор начался довольно долгий процесс подготовки и согласования всех нюансов.

Прошло около года. Было ощущение, что работа идет медленно, и точных договоренностей о датах проведения выставки все еще не было. В целом можно сказать, что внешне все обстояло хорошо, но меня мучили кошмары. Почти каждую ночь я видела тревожные сны. Это измотало меня, высосало все соки и отчасти отразилось на произведениях. Ранее даже в самой темной работе виднелся свет надежды. На полотнах этого периода он почти угас, стал еще более отдаленным и слился с серостью пыли, взметнувшейся в воздух после разрушения окружающего ландшафта. Удивительно, что при отсутствии каких-либо негативных воздействий внешней среды, в стремлении выйти за свои собственные пределы я почти исчерпала жизненные силы.

Мое напряженное психологическое состояние практически дошло до апогея к моменту, когда была назначена дата выставки. Выяснилось, что она должна была открыться совсем скоро. Картины к тому моменту уже были полностью готовы, оставалось собраться с силами и завершить последние приготовления.

В мае выставка была открыта для посетителей. Задуманная с названием «Преодолеть пределы», она, в результате обсуждения концепции между куратором и руководством музея, обрела другое имя – «Стирая границы».

Несмотря на трансформировавшееся название, добавившее теме выставки многообразие интерпретаций, картина на афише по-прежнему называлась «Преодолеть пределы». Сюжет этой работы был вдохновлен не только произведением «Игра в бисер», но и картиной Арнольда Беклина «Остров мертвых». Для меня этот остров являлся будто пограничным пунктом между двумя мирами. Отсюда и узнаваемый архитектурный образ, в данном случае напоминающий гнездо, что защищает и помогает птенцу выжить до определенного периода, а затем разрушается. Но вместе с тем мы видим открывшийся проход, что зовет в новые дали.

Время
2022. Холст, масло, акрил. 100 × 120 см

Разрушение в данном случае не носит трагического характера, а открывает новые возможности, так как происходит с течением времени и по его законам: за рождением идет трансформация, изменение, затем увядание и вновь новое рождение.

СТИРАЯ ГРАНИЦЫ

Мир стремительно меняется. Во все времена жизнь человека, как и всего человечества в целом, подвергалась постоянной трансформации. Точнее, трансформировался очерченный круг предложенных ему возможностей. Некий набор, что в каждое время выглядит абсолютно по-разному. Меняется ли человек вместе с изменением этого набора? Скорее, ему приходится подстраиваться и приспосабливаться – в этом заключается изменение, сопряженное с внешними факторами. Внутренней же трансформации способствует взгляд, устремленный за круг, что очерчен каждым человеком вокруг себя. Его расширение в какой-то момент приводит к выходу за границы предложенного, а потом и в совершенно новые невообразимые дали.

Преодолеть пределы. 2021. Холст, масло, акрил. 140 × 200 см

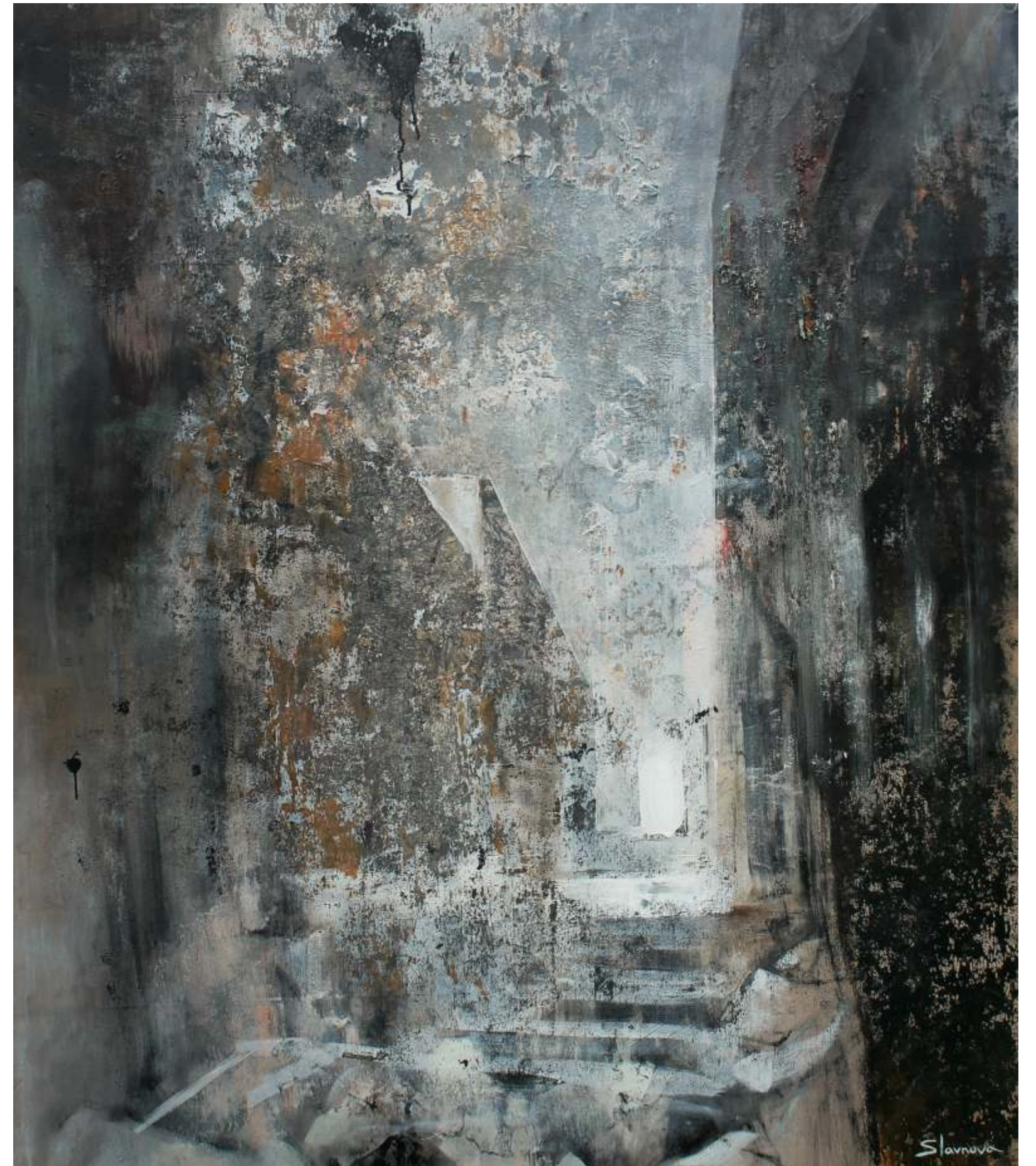

Свобода воли

2021

Холст, масло, акрил.

100 × 90

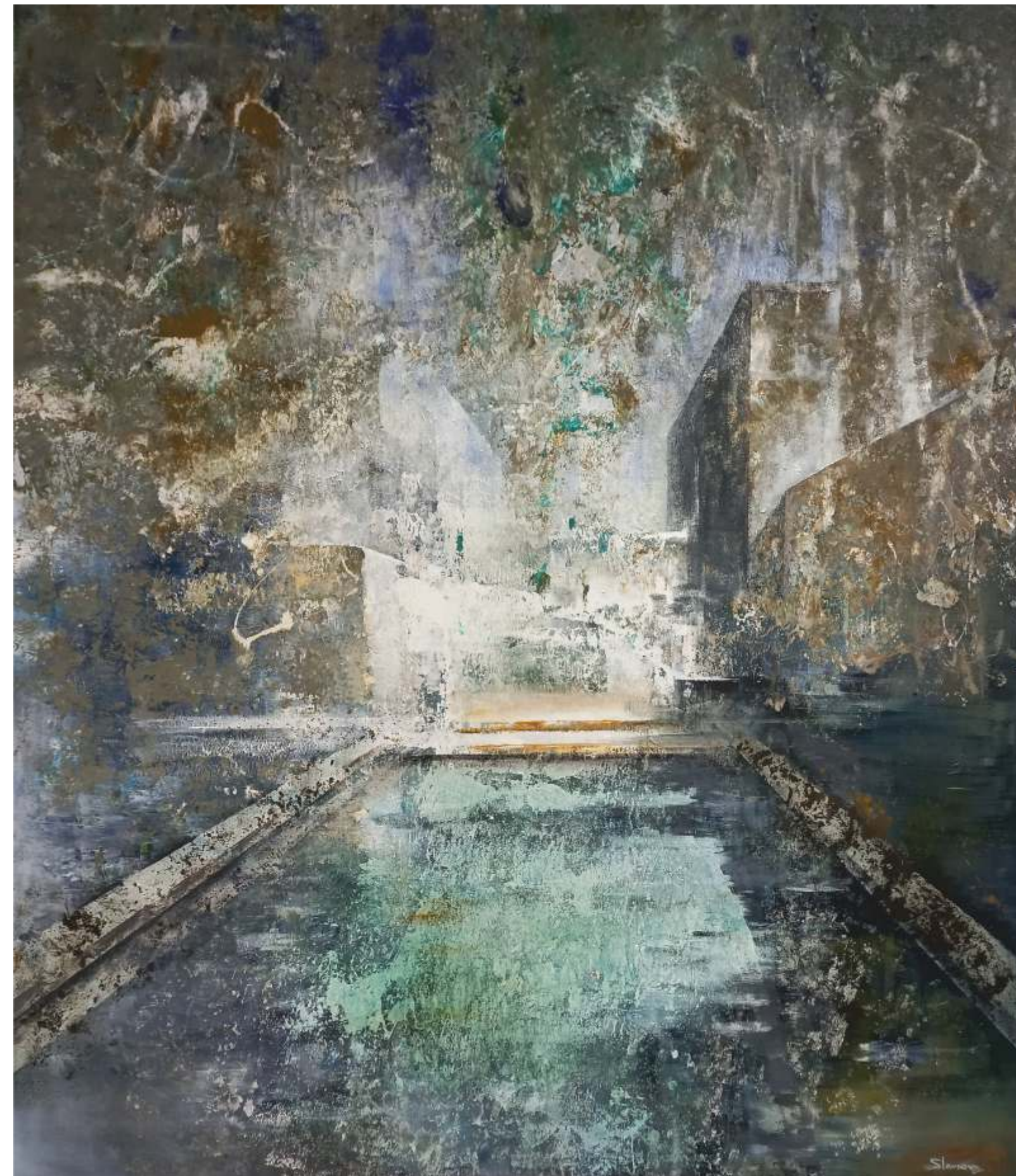

Очищение

2021

Холст, масло, акрил.

120 × 100

На перепутье

2022

Холст, масло, акрил.

100 × 100

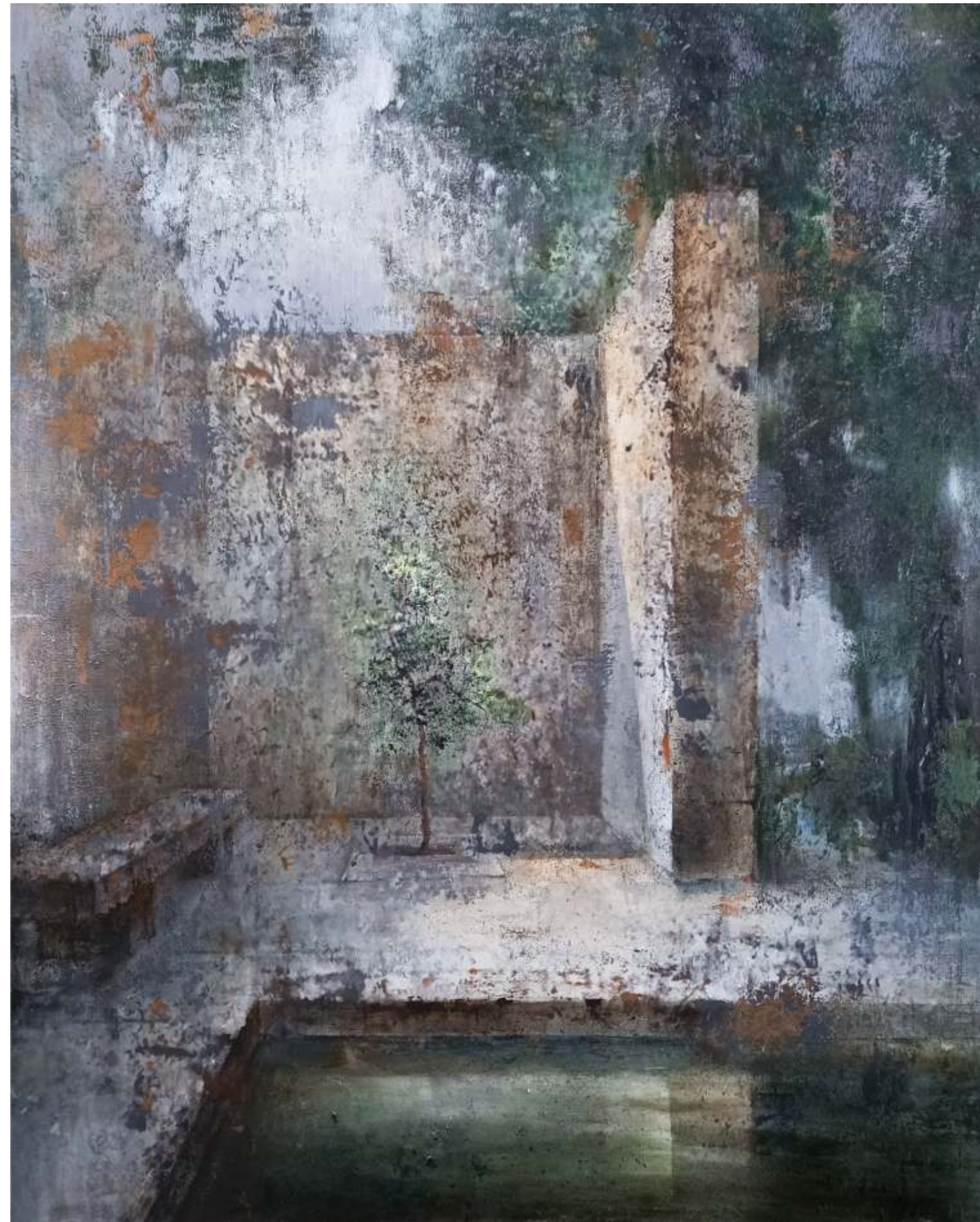

Уединение

2024

Холст, масло, акрил.

120 × 100

Цветок сникает, юность быстротечна,
И на веку людском ступень любая,
Любая мудрость временна, конечна,
Любому благу срок отмерен точно.
Так пусть же, зову жизни отвечая,
Душа легко и весело проститься
С тем, с чем связать себя посмела прочно,
Пушай не сохнет в косности монашьей!
В любом начале волшебство таится.
оно нам в помощь, в нем защита наша.

Пристанищ не искать, не приживаться,
Ступенька за ступенькой, без печали,
Шагать вперед, идти от дали к дали,
Все шире быть, все выше подниматься!
Засасывает круг привычек милых,
Уют покоя полон искушенья.
Но только тот, кто с места сняться в силах,
Спасает свой дух живой от разложения.

И даже возле входа гробового
Жизнь вновь, глядишь, нам кинет клич
призывный
И путь опять начнется непрерывный...
Простись же, сердце, и окрепни снова.

Герман Гессе

Тайна. 2021-2022. Холст, масло, акрил. 100 × 80 cm

Выставка «Стирая границы» в музее современного искусства Эрарта

Как ни странно, после завершения столь долгой работы мои внутренние ощущения были двойственными: с одной стороны, у меня кардинально поменялся взгляд на многие вещи, с другой, я не чувствовала себя на одну ступеньку выше, чуть ближе к солнцу. Наоборот, темнота вокруг меня начала сгущаться. Я даже не могу назвать это темнотой, скорее, серость, апатия, отсутствие желаний. Разрушив свою скорлупу, я осталась на ветру беззащитная. Вокруг не было новых пейзажей, лишь туман.

Рассуждая об этом спустя время, я могу предположить, что послужило причиной подобному состоянию. Процесс, что происходил со мной, не ограничился рамками проведения выставки и не закончился по ее завершению. Решившись преодолеть свои собственные пределы, я планировала совершить путешествие по безоблачным далям к райским кушам, что мне воображались впереди. Основной задачей казалось начать движение и довериться движущей силе, что идет изнутри. Но на деле это оказалось не так просто. В доверии очень сложно найти точку опоры столь же прочную, что дает скорлупа. А тот, кто идет и шатается, всегда становится легкой добычей для хищников. Я сейчас не о диких животных, а о страхе, тревожности, апатии и депрессии.

При этом было ощущение чего-то нарождающегося, но еще совсем слабого. Сложнее всего было справиться с апатией. Если прошлый период начинался с огромной движущей силы внутри, то на этот раз огонек творчества приходилось ежедневно раздувать, чтобы он не затух окончательно. Все вышеупомянутые хищники резвились вовсю.

Поэтому работа над новой серией началась с руин, как внутренних, так и изображенных на полотнах. Безжизненные разрушенные пространства. На этот раз в них не присутствовало той силы, что желала снести старое для выхода в новое, был скорее отображен постфактум – все разрушено.

Но такое состояние не могло продолжаться вечно. Весы должны были качнуться в какую-то сторону. Моя внутренняя сущность должна была либо догореть, либо ожить, и она выбрала второе. Вместе с тем на полотна начала возвращаться жизнь, и серость вновь распалась на свет и тень. Как плюс, умноженный на минус, действие и противодействие, создание и разрушение, грусть и радость, сливаясь воедино, в итоге не дают положительного результата. В новых работах чувствуется борьба, светлое и темное вновь стали противниками, вновь закружились в танце, что порождает все живое.

Необычна эта серия работ тем, что процесс регенерации и очищения, что отображен на полотнах, происходил по ходу создания произведений. На этот раз, в отличие от предыдущих серий, она не сразу обрела название и четкую идею. Творчество, что породило ее, было направлено на поддержание еле теплящегося огонька внутри. Поэтому на одной картине состояние разрушения и возрождения были написаны не одновременно, сюжеты трансформировались вместе с внутренними изменениями. Название серии пришло уже практически к концу работы над выставкой, когда хищники были изгнаны, когда вновь стало светло.

«Возрождение»

НАЧАЛО

работы из серии представлены в начале книги.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ

2023

Очищение. Design District DAA. Санкт-Петербург, Россия

2022

Стирая границы. Музей современного искусства Эрарта. Санкт-Петербург, Россия

Жизнь. Новгородский центр современного искусства. Великий Новгород, Россия

2021

Наедине со стихией. Центральный выставочный зал. Пермь, Россия

2020

Наедине со стихией. Культурный центр «Каскад». Петергоф, Россия

Наедине со стихией. ARTPLAY. Москва, Россия

L` amour. Галерея Мансарда художников. Санкт-Петербург, Россия

2019

Представление о реальности. Центр искусства и музыки Маяковка. Санкт-Петербург, Россия

2016

Вокруг света. Фора-Банк. Пермь, Россия

ГРУППОВЫЕ ВЫСТАВКИ

2019

Благотворительный аукцион. Art Square Gallery. Санкт-Петербург, Россия

2018

Молодость Петербурга. Дом художников. Санкт-Петербург, Россия

2017

Осень 2017. Дом художников. Санкт-Петербург, Россия

2016

Start in ART. Галерея K35. Москва, Россия

II International Portrait Art Festival. Центральный дом художников. Москва, Россия

2014

Russian Art Week in Portugal. Лиссабон, Португалия

2013

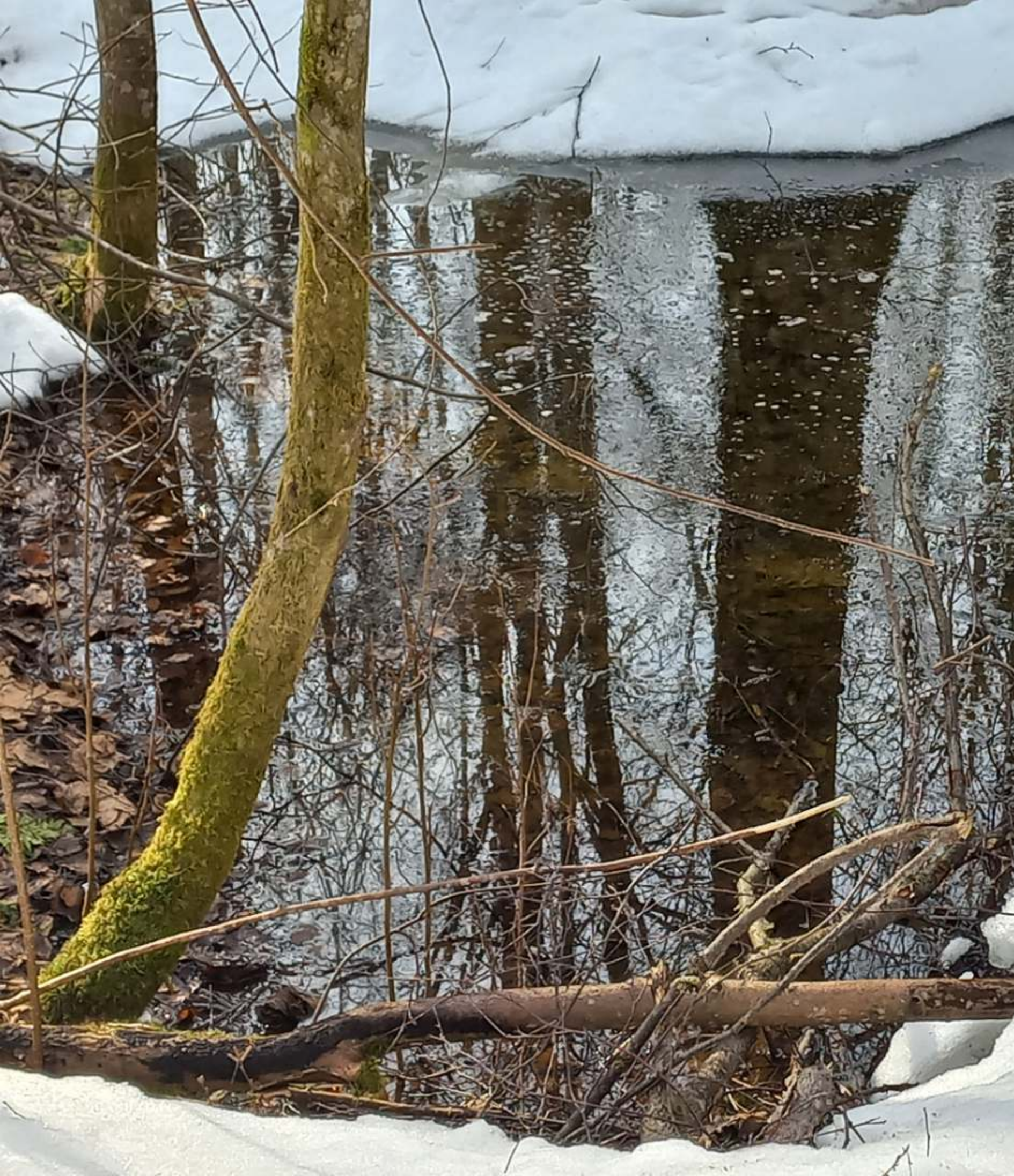
Дни славянского искусства в Берлине. Русский дом науки и искусства. Берлин, Германия

2012

Russian art Week. Центр современного искусства M`ARS. Moscow, Россия

Perm Art. Пермская ярмарка. Пермь, Россия

ПРОГУЛКА

Предисловие

Пролистывая страницы этой книги, что представляет мою новую серию работ, можно почувствовать себя будто на вернисаже. Экспозиция осмотрена, описание прочитано, с биографией художника тоже ознакомились, но есть ощущение, что чего-то все же не хватает. День открытия всегда примечателен тем, что есть возможность диалога с художником, может быть, даже не на тему выставки. Поэтому предлагаю продолжить наше общение. Но приглашаю вас не на шумную вечеринку, где не слышно даже собственных мыслей, а на утреннюю прогулку в лес, что я обычно совершаю с моей собакой Ричардом.

Не стоит ожидать от этого приглашения многого, я не подготовила театральной постановки, наполненного смыслом литературного произведения, возможно, даже не отвечу на вопросы, что могли родиться у вас по ходу прочтения предыдущих текстов. Отсутствие ожиданий с вашей стороны даст нам возможность непринужденно побеседовать, и, возможно, моя письменная речь получит ваш мысленный ответ.

Встречаемся у входа в лес!

Как прекрасно, что в литературном произведении, назначив встречу, невозможно на нее опоздать. Так как никому из нас не пришлось провести время в мучительном ожидании, мы в хорошем расположении духа, бодро и весело можем начать наш утренний променад. Невероятная красота природного ландшафта ожидает нас чуть дальше, а пока нам придется пройти через отрезок пути, на котором пригодятся излишне позитивные эмоции для сопротивления внешним негативным факторам. Дело в том, что лес, выбранный мной для нашего небольшого путешествия, граничит с дорогой, и прилегающая к нему территория оснащена парковкой. Такая доступность для человека печально сказывается на лесном пейзаже, и чем ближе к дороге, тем печальнее.

Поэтому мы не будем рассматривать вход в лес – эта граница между средой обитания человека и животным миром слегка размыта и имеет градиентный характер. Предлагаю, не задерживаясь здесь надолго, сразу отправиться в глубь лесной чащи, куда нас ведет небольшая тропинка, вдоль которой вытянулись массивные стволы елей.

Продвигаясь вперед, мы постепенно начинаем скрываться от утренних лучей солнца. Лиственный подлесок, что поджал тропинку с обеих сторон, похож на рисунок очень эмоционального абстракциониста. Сплетаясь в спонтанные причудливые узоры, стволы кустарников тяготеют к земле, вспоминая непосильную нагрузку снега, которую им пришлось нести этой зимой. Защитный снежный покров оставила на себе лишь почва на случай арктического вторжения, что не редкость даже в это время года. Солнце, с трудом пробиваясь сквозь пушистые хвойные ветви, нещадно создает проталины, из которых совсем скоро появится первая растительность.

Заведя вас в лес, я не могу не спросить: «Комфортно ли вам здесь, ощущаете ли вы спокойствие и умиротворение в лесном ландшафте, или дискомфорт и тревожность?». Для меня лес всегда являлся некой розеткой, через которую подзаряжается мой аккумулятор. При этом я, конечно, не обнимаю березку в надежде, что она отдаст мне часть своих жизненных сил. Я просто наслаждаюсь временем, когда можно ни о чем не думать, созерцая красоту окружающего мира.

Удовольствие, что приносит временное отстранение, отдых от социума и порожденной им озабоченностью проблемами бытового характера, может смениться чувством одиночества и тревожности, продлись эта разлука муравья со своим муравейником достаточно долго. Отсутствие жизненно необходимого набора, что обеспечивает социум, изначально воспринимается индивидом как кислородное голодание. Думаю, отсюда и идет символичное значение леса, в котором он предстает некой комнатой страха, местом испытаний человеческого духа.

Если говорить об испытаниях, можно предположить, что человек идет в своем развитии, приспособляясь и отвечая на вызов грядущего дня, и трудности на его пути создает нечто высшее, или, на худой конец, они валятся с неба незапланированно. Но людям свойственно даже в отсутствие такого вызова все равно стремиться испытать себя в надежде выйти за пределы собственных возможностей, чтобы открыть в себе сверхспособности, нечто отсутствующее в базовой комплектации или надежно спрятанное внутри нее. Желая большего, не все подвергают себя испытаниям самостоятельно, может быть, это продиктовано стремлением к комфорту, а может, логическим умозаключением, что сам себя испытывающий вознаграждение тоже должен выдать самостоятельно, соответственно, на сверхрезультат можно не рассчитывать, а только на кубок или, в крайнем случае, медаль. Тем не менее, стремление к чему-то, мечта всегда ведет вперед. Кажется, в отсутствии движения сложнее противостоять неким силам, что с момента рождения только и ждут, когда человек даст слабину, чтобы разрушить его.

Это движение в социуме всегда подхватывается, и указатели «На Олимп» можно увидеть повсюду. Их форма, размер всегда меняются на актуальные, так же как местоположение и направление, на которое указывает стрелка.

На нашем же маршруте нет ни одного указателя. К сожалению или к счастью, нам придется выбирать дорогу самостоятельно. Но так как в этом лесу мы не первопроходцы, и здесь уже не раз ступала нога человека, для нас были подготовлены тропинки, что могут облегчить наш путь. Доверимся им на время, дабы не застрять где-нибудь в колючках и не провалиться в канаву, замаскированную снежным покровом под небольшую неровность ландшафта. Есть и дорожки почти заросшие, но небольшие проплешины между деревьями намекают нам на то, что и здесь когда-то ходили люди. Тропы даны человечеству как дар, помогающий ему совершенствоваться исходя из накопленного опыта. Не будем же ими пренебрегать, как и не будем слепо следовать проложенному ранее маршруту.

Такой подход актуален и в живописи. Отталкиваясь от знакомого и отработанного, многие художники стремятся все время открывать для себя нечто новое и неизведанное. Сколько же тогда осталось земли, где не ступала нога предшествующих поколений? Если речь идет о нашей планете, ответ будет неутешительным для путешественника с амбициями первооткрывателя. Что же касается живописи, здесь не все так очевидно. Множество разведывательных экспедиций в этой области выдвинулись в эпоху открытий и видоизменений привычных, знакомых образов, отображать которые изначально считалось главной задачей живописи. В то время художники посмели оставить родные изведенные просторы знакомых им техник и сюжетов, устремив свой взгляд в неизвестность.

В стремлении к постоянной трансформации живописные полотна взрывались красочным безумством или, наоборот, впускали в себя лишь пару линий, а порой даже были разрезаны для выхода из двухмерного пространства. Можно предположить, что делалось это в угоду модным тенденциям, для создания вау-эффекта, но какими бы помыслами не руководствовались художники, они делали свое дело и открывали для живописи все новые неизведанные дали.

Сейчас живопись находится на очень интересном этапе – границы стерты, ничего запретного и неизведанного в формах художественного высказывания не осталось. Искать еще не созданный образ или неиспробованную технику уже практически невозможно. Истощила пределы вариативности форма, но содержание по-прежнему открыто для нового, как и способы его передачи зрителю.

В мире все буквально пропитано информацией. Образ и слово являются для нее лишь сосудами. Их всегда наполняло некое общепринятое значение, которое было присвоено им для наилучшего понимания. Однако современные тенденции в искусстве начали разрушать взаимосвязь оболочки и смысла, что ее наполняет. Теперь слова и образы не стоит воспринимать буквально, их содержимое необходимо чувствовать. Вместе с этим процессом идет и развитие человека – его способ общения с миром становится сложнее, уходит от прямолинейного изложения информации и ее распознавания путем узнавания знакомого и изученного.

На моих полотнах образ, несмотря на стремление к абстрактному выражению, утратил форму не до конца, но трактовать его значение буквально все равно не стоит. Радость узнавания здесь не будет ключом к разгадке замысла произведения, считать которое ассоциативным путем не всегда возможно. Сюжеты моих полотен не являются историческими или социальными отсылками и не отвечают на злободневные вопросы. Следуя за внутренним импульсом, я поднимаю темы, максимально близкие моей собственной личности, и описываю процессы, что происходят внутри нее под действием внешних факторов или даже с отсутствием таковых. Руководствуясь лишь своим видением, я присваиваю образ содержанию, не задумываясь о том, насколько они удачно соединяются в их общепринятом значении. Понимая, что не единственная в мире прохожу определенный опыт и испытываю переживания, с ним связанные, я нахожу интуитивный отклик у зрителя, что сталкивался с тем же или чувствует подобное в данный момент.

В то же время, я никогда не настаиваю на своем видении и не выражаю его в виде манифеста. Как и на нашей прогулке, описывая красоту окружающего ландшафта, я не навязываю любовь к этому лесу, а лишь знакоблю вас с ним, и предлагаю взглянуть сквозь призму моего восприятия.

Так же как я, а может быть, даже больше наслаждается лесом Ричард. Он радостно бежит впереди всех. Его интересует каждый сантиметр уже не раз исследованной им земли. Морда, над которой возвышаются два больших локатора, периодически полностью оказывается в снегу в надежде найти в белоснежных недрах что-нибудь интересное. Ветер надувает его костюм как паруса, на которых он стремится вперед к неизведанным еще сегодня участкам. Порой он просто останавливается и слушает звуки леса, не с охотничьей заинтересованностью, а, скорее, с какой-то философской. Его взгляд не ищет себе никакой цели, в такие моменты он не смотрит, а будто кожей впитывает все происходящее вокруг него. Постояв так не больше пары минут, Ричард снова устремляется вперед, но уже спокойнее и размереннее, будто набравшись мудрости за столь небольшой промежуток времени, мудрости, которую растеряет, как только учует новый запах из-под снега.

Вместе с ним мы забрели в одно из моих любимых мест в этом лесу. Справа – огромный валун с невероятно многообразной и причудливой текстурой камня. Разновидности мха на нем будто соревнуется в том, какая займет больше площади. Покрывая его обширными плюшевыми подушками, они светятся от счастья, напивавшись водой от весеннего таяния. Совсем рядом уже отряхнувшееся от снега поваленное дерево, его тоже заселила жизнь во всевозможных ее проявлениях. К моховидным добавились грибы светло-желтого цвета, что, выглянув из-под снега, сразу расправили свои шляпки, готовясь демонстрировать их всем лесным обитателям и нередким туристам вроде нас.

Разглядывая окружающий ландшафт, наш глаз в первую очередь распознает общий сюжет, он сглаживает и выбрасывает из него излишние детали, дабы мы не сошли с ума от такого многообразия. Мы видим образ, что кажется нам знакомым, но раздели мы его на фрагменты, он явится нам в совершенно другом, неопознанном виде.

Если вооружиться фотоаппаратом и навести его на стволы деревьев, камни, землю или даже ручьи, что повсюду эвакуируют талую воду, неся в себе прошлогоднюю листву, то мы увидим чудо сплетения красочных узоров, настоящие абстракции в исполнении природы. Фактуры этих произведений не менее многообразны, чем их цветовая гамма. Холодные сочетания фиолетового, зеленого и синего противостоят теплым землистым цветам, а порой и ярким, сочным краскам, что дополняют общую картину. Каждый оттенок чем-то сбалансирован. Буро-коричневые стволы деревьев всегда уравновешены легким светло-зеленым цветом растительности, что на них обустроилась. Этот идеальный зеленый я не раз пыталась воссоздать на своих полотнах. Приходя в лес, я смотрю на природные творения, учусь и стараюсь хоть в какой-то степени приблизиться к этой совершенной гармонии и ее неповторимой эстетике.

Говоря об эстетике и искусстве, можно заметить, что их отношения кажутся довольно простыми. Эстетическое интуитивно приравнивается к красивому, красивое – к

идеальному, идеальное же, в свою очередь, не приемлет ошибок, неровностей и неточностей. Оно изгнало их, дабы ни в коем случае не стать некрасивым. Вместе с тем идеальное отказалось и от правды, не желавшей льстить ему и возвышать над остальными. На смену ей пришла искусственность. Она закрыла собой дыры, из которых были изъяты вышеперечисленные персонажи. Как мумия, что носит золотую маску, идеальность пуста изнутри и расфасована по банкам, где заточила все нежелательное для себя.

Мириться с эстетикой, которая носит маску идеальности, искусство не намерено, оно – дитя жизни, все время то поглощается и запутывается в ее физических проявлениях, то выплевывается ими обратно, выстреливая в космические просторы. Отказаться от жизни совсем искусство не может, как и слиться с ней до конца. Поэтому оно все время ищет, ни на что не закрывая глаза, вбирая в себя весь мир, во всем его многообразии. Идеальная форма ему не нужна, ему нужны сотни форм, миллионы способов выражения, как и сама жизнь, оно одновременно несет в себе и ужасное, и прекрасное.

Точно так же в этом лесу свежая трава, наполненные жизнью деревья и кустарники, планирующие совсем скоро показать себя во всей красе, сочетаются с тем, что наш глаз предпочел бы обойти стороной, сочтя недостаточно красивым для того, чтобы им наслаждаться. К примеру поваленные деревья, их корни и стволы, выкорчеванные из земли, портят ландшафт, наполняя его привкусом увядания. Что уж говорить об опавших ветках, они повсюду разрушают порядок, который и без того является в лесу понятием довольно условным. Когда-то я не понимала красоты этого единства противоположностей, таящегося в естественном ландшафте, поэтому намного комфортнее чувствовала себя в саду – этом видоизмененном, удобоваримом пространстве для человеческой жизни, что является компромиссом между дикой необузданностью окружающей среды и сдавливающими стенами жилища, надежной архитектурной оболочки человека.

Понятие компромисс может быть воспринято двояко ввиду того, что объединяет в себе радость обладания хоть долей желаемого и досаду от невозможности обладания желаемым целиком. Но в данном случае я употребляю его в положительном значении, так как мое отношение к саду не может иметь другого характера. На протяжении всей моей жизни я так или иначе взаимодействовала с ландшафтом, но подход к этому взаимодействию сильно трансформировался и менялся вместе с моим мировоззрением.

В раннем детстве со мной произошел смешной случай, правда, моим родителям было тогда не до смеха. Дело в том, что меня потеряли во время пикника в лесу. Исчезнув из поля зрения взрослых, я нашла для себя более интересное занятие, чем наслаждаться чаем и поглощать разложенные на подстилке угощения. Отойдя от места трапезы, я расчистила

от растительности клочок земли, нашла с десяток кустиков лесной земляники и высадила их рядами, полив при этом запасами питьевой воды. Меня обнаружили довольно быстро, Но, в целом, прятаться я и не пыталась. Просто занималась деятельностью, что сейчас мне кажется совершенно кошунственной, но тогда я была, по всей видимости, в полной уверенности, что так будет лучше и для леса, и для земляники.

Видимо, чтобы я больше не терроризировала лес, мне выделили небольшой участок земли на даче, который я могла обустроить по собственному усмотрению. Высаживая туда через промежутки полевые и садовые цветы, я старалась держать свой сад в порядке, тщательно выпалывая при этом все незапланированно появившиеся в нем растения, называемые в садоводстве сорняками. Этот процесс отнимал достаточно много времени, так как земля все время не соглашалась с моим видением этой местности. Постепенно это дело начало даваться мне все хуже и стало производиться с меньшей регулярностью.

Позднее мой подход к возделыванию сада сильно изменился, стал более лояльным к живой природе, из которой больше не изымались нежеланные ее представители. Сад у моей мастерской в пригороде Санкт-Петербурга состоял исключительно из газона и деревьев, подстригаемых мной прямолинейными или шарообразными формами. Как ни странно, и с таким проектом природа не соглашалась, все время внося коррективы. Трава отрастала до неприемлемой высоты, деревья тоже не хотели держать навязанный им образ. Косилка работала практически каждую неделю в разгар лета, когда вся растительность неугомонно стремится вверх.

Однажды, отдыхая на траве, я заметила, сколько же насекомых по ней передвигаются. Сколько маленьких жизней, отличных от нашей, но тем не менее жизней, бегут по своим делам. И что же происходит с ними, когда человек включает косилку, желая убрать, как ему кажется, беспорядок на своем участке? Можно догадаться. Беспорядка больше нет, все подчинилось воле хозяина, ровный газон и деревья идеальной формы. Подчинилось на неделю, может, на две, но природа возрождается и вновь восстает против своего господина, что так эффективно заботится о своем саде. Получатся, что сад – не место отдыха, сад – это поле битвы человека и природы.

В современном мире подход к возделыванию сада сильно меняется, то ли от усталости борьбы, то ли от понимания необходимости более гуманного отношения к природе. Думаю, полная гармония будет достигнута тогда, когда архитектурные сооружения будут вписаны в ландшафт так, чтобы человек и природа могли развиваться параллельно, не мешая, а помогая друг другу.

С моим садом мы заключили перемирие: я больше не контролирую и не угнетаю его, а он не демонстрирует мне своего превосходства, позволяя расслабиться и перевести дух в тени деревьев неправильной, но от этого не менее прекрасной формы.

Трансформация моих взглядов на окружающую среду не была связана со стремлением стать лучше, а явилась результатом внутренних процессов, которые я порой даже не осознавала, происходивших постепенно, своевременно и естественно. Вместе с этими изменениями менялся и мой подход к живописи, что затронуло не только темы, изображаемые на полотнах, но и технику создания произведений. Отстраняясь от идеального, отождествляющегося с четко выверенным, ровным и правильным, я начала впускать в свои произведения все более широкие мазки и техники, что, работая в соавторстве с художником, дают совершенно непредсказуемый результат.

Сейчас мои произведения достаточно фактурные и многослойные. Я никогда не работаю в один подход. Нанеся на картину первый красочный слой, в котором выразилась идея произведения, я всегда убираю ее в сторону и приступаю лишь тогда, когда снова чувствую к ней интерес. Так я могу вести более десятка работ параллельно. Эскизы в моем художественном процессе отсутствуют, как и карандашные наброски. Работа начинается с чистого холста, на который выплескивается идея без подготовленной для нее формы. Образ рождается в голове, а оттуда уже переносится на полотно. В процессе этой телепортации многое может измениться, но общая идея обычно остается в неизменном виде.

Я создаю художественные произведения целыми сериями. Сюжеты работ не повторяются, а дополняют друг друга и как кинолента складываются в единое высказывание, которое после окончания работы чаще всего формируется в выставку. Писать отдельные работы на продажу у меня получается с трудом, и я в последнее время стараюсь этим не заниматься, так как боюсь утратить интерес к работе. Желание в творческом процессе безумно важно, оно является неким мостом от физической техники к тому, что наполняет произведение жизнью. Некоторые говорят, что нужно только желание, оно и является основным стимулом к деятельности и источником вдохновения. Но одного желания, по моему мнению, мало. Отношения с божественным, если свести к максимально примитивному, похожи на личные, нужно, чтобы тебя тоже захотели.

От этого страдает график работы, так как она не может подчиняться некой системе, вследствие присутствия в ней непостоянного элемента. Выстроить для себя распорядок дня я пыталась не единожды, особенно в моменты, когда необходимо было закончить работу над выставкой к определенному числу. Все эти попытки потерпели фиаско. Тем не менее несмотря на расшатанность моего расписания, мне всегда удается соблюсти дедлайны, если таковые установлены. В этом мне помог тот опыт, что я получила в архитектурном университете, где опоздание на две минуты на подачу проекта считалось неявкой. Аудитория, где проходил просмотр, закрывалась строго в определенное время, после которого, как ты не плачь и не скреби двери когтями, никто не услышит и не сжалится.

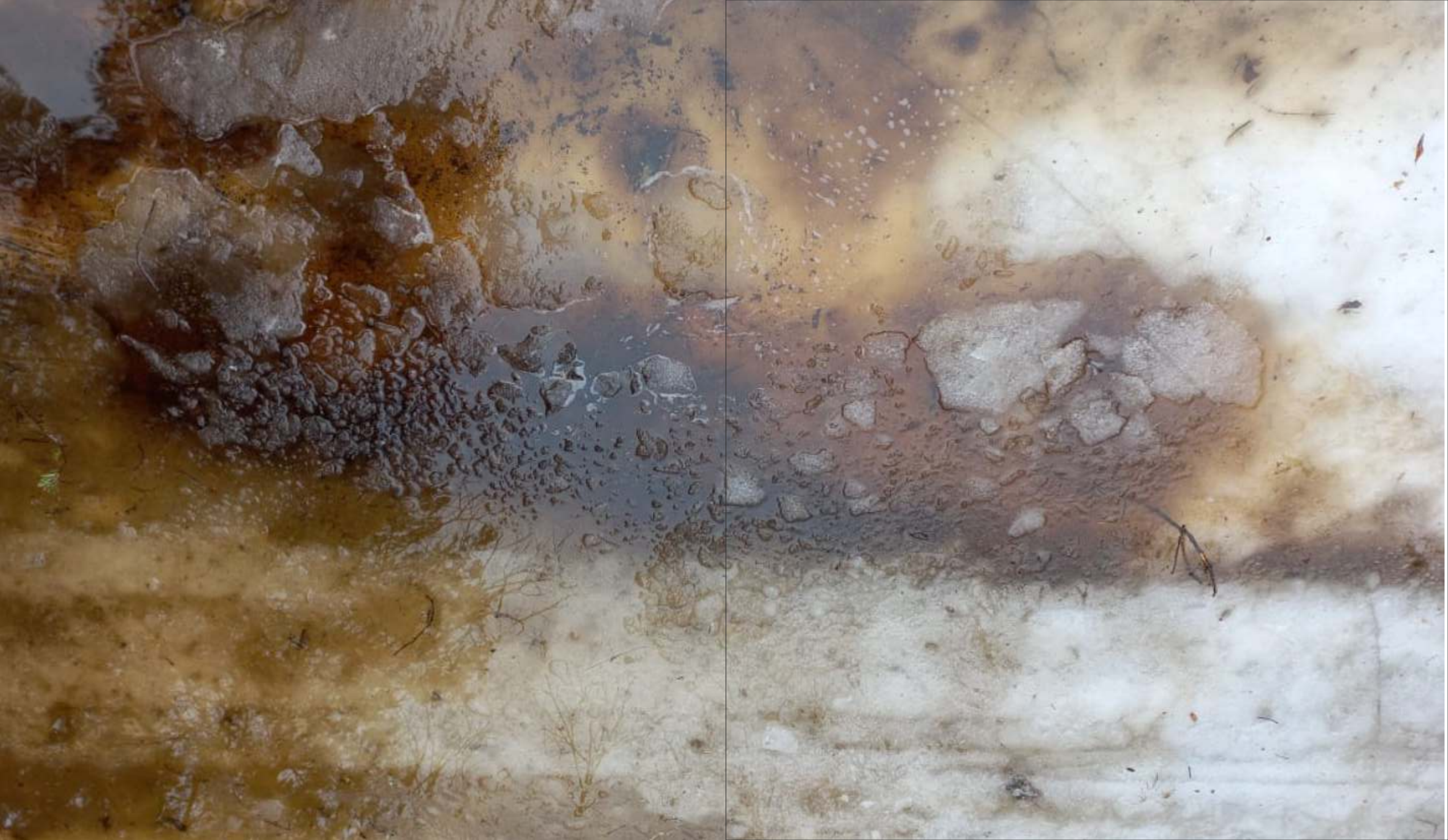
Даже отвалившийся от подрамника проект не засчитывался, так как вина за это происшествие возлагалась не на бракованный двусторонний скотч, а на плохо приклеившего свое произведение студента. Благодаря столь суровому подходу наших преподавателей мне пришлось научиться ограничивать не ограничиваемое временными рамками.

Несмотря на то, что работа над последними сериями произведений протекает в достаточно свободном режиме, бывают моменты, когда рациональное начало гонит меня в мастерскую вопреки моему желанию. В таком случае достать себя из каменного состояния мне помогает музыка. Я включаю ее в мастерской и начинаю танцевать, тем самым настраивая себя на более живые объемные мазки и расслабленность движений.

В отличие от музыки танец не сопровождает мой творческий процесс. Порой он его начинает, а бывает, и заканчивает. Завершив работу над полотном и оставшись довольной результатом, я вновь начинаю свой безудержный пляс. Движения этого танца с трудом поддаются описанию и являются абсолютно хаотичными. Они не склеиваются в нечто цельное, разлетаясь, как сотни конфет, вылетевших из вазочки, по всему полу. Такой пещерный примитивизм дополняет и уравнивает сложные творческие процессы.

Наверное, я каким-то образом могла обидеть танец, назвав его примитивным. Но хочу заметить, что примитивным я назвала именно свой танец. Не претендуя в моем исполнении на роль самостоятельного искусства, он является моим верным другом и помощником. Поэтому и его я тоже не хотела никак оскорбить. Когда искусства приходят к нам без своей мантии красоты и профессионализма, в виде хобби, они частенько бывают унижены и не восприняты всерьез, вместе с тем они наполняют жизнь человека не меньше музейных экспонатов или театральных постановок.

Я могла бы начать пританцовывать и здесь, в этом лесу, но в этой части маршрута я не стану этого делать – не потому, что боюсь вашего осуждения, скорее по другой причине. Дело в том, что ели, вытеснившие в этой части леса всю листовую растительность, своими корнями, выпирающими на поверхность дороги обширными лежащими полицейскими, сообщают нам, что мы тоже здесь гости нежеланные. Не будем на них обижаться, они лишь защищают реку, что мы увидим чуть дальше, если не свернем с выбранного нами пути. Но для того, чтобы продолжить путешествие, нам необходимо будет выработать какое-то фантастическое двойное зрение, которое поможет, не теряя из виду общего ландшафта, с легкостью преодолевать препятствия, что он создает на нашем пути.

Двойное зрение необходимо и художнику, так как он является не только творцом, но и зрителем, что первым созерцает произведение после окончания работы. Взглянуть на него свежим взглядом порой бывает непросто.

До этого мы много говорили о творчестве, о том, что его порождает, и самом творческом процессе. Но рано или поздно наступает момент, когда произведение закончено, станцован победный танец от радости и удовлетворения результатом, за этим начинается следующий этап.

Дабы не быть уничтоженным первым же дуновением зрительской критики, художник нуждается в собственной оценке своего произведения, которая даст ему некую опору, что позволит стойко реагировать на чужое неодобрительное покачивание головой, а может, даже и острое слово. Поможет такая рефлексия и спокойнее относиться к комплиментам, которые могут оторвать незакрепленную крышу и унести ее в далекие дали на парусах раздувающегося самомнения.

У вас не должно вызывать удивления такое количество архитектурных ассоциаций. Обучение этой профессии, как я уже говорила, не прошло для меня бесследно и наложило определенный отпечаток. Поэтому отчетливее всего в многоголосии моей внутренней комиссии, что собирается и принимает работу по ее завершению, звучат два голоса. И если вам было бы интересно послушать их диалог, предлагаю ненадолго переместиться с лесной тропы прямо в мою голову.

Художник. Произведение готово! Как приятно после долгого процесса создания произносить этот победный клич и видеть то, что так долго зрело, в законченном виде. Определить момент, когда нужно говорить эту речь, бывает непросто. Порой в общей картине недостает всего пары штрихов, и необходимо вычислить этих лазутчиков, что не дают преждевременно устроить праздник сбора урожая. Гоняясь за ними, главное — не перестараться и не уничтожить усердием дорабатывающей кисточки то движение, что на предыдущих этапах внедрили в картину техники более свободного нанесения красочного слоя. Пройдя по этой тонкой грани между жизнью и смертью полотна, доведя работу над ним до логического завершения и полностью удовлетворившись результатом, можно обратиться к внутренним зрителям. Что вы думаете?

Архитектор. Хорошо. Выглядит хорошо, но задумываясь о том, насколько гармонично это произведение может соединиться с окружающим пространством, я не могу дать однозначный ответ.

Художник. А какое значение имеет для картины окружающее пространство? Она сама по себе является законченным высказыванием, что не должно быть созвучным шторам или говорить с ковром об одном и том же. Сейчас довольно распространено такое понятие как примерка картин. Дизайнер или хозяин пространства привозит несколько произведений и выбирает понравившееся исходя из того, насколько оно гармонично вписывается в окружающую среду. Когда картина выбирается под элементы интерьера, она сама становится таким же его элементом. Но мне кажется, мы совершенно четко можем провести линию между обоями и картиной и не приравнивать одно к другому.

Архитектор. Если искусство, по-твоему, неприкосновенно для диалога с окружающим пространством и должно присутствовать в нем обособленно, как тогда быть архитектору или дизайнеру? Он должен создать гармоничный интерьер, увязав все его элементы между собой.

Художник. Человек является элементом интерьера, когда в нем находится?

Архитектор: Кажется, наша беседа становится абсурдной.

Художник. Отождествлять искусство с занавесками — не абсурд? Но почему-то мой вопрос о его масштабах вызвал закатывание глаз.

Что еще вы поместите в свои проекты как мебель? Сейчас это искусство, а когда настанет очередь человека?

Архитектор. Мне не хочется продолжать беседу в подобном ключе. Ты говоришь так, будто архитектура сама не является искусством. Во многом она оторвалась от него и стала отвечать чисто физическим потребностям человека и интересам инвесторов, но сам процесс творения архитектора во многом схож с художественным. Разные у нас масштабы. Вы творите в границах холста, скульптуры или инсталляции, нам же предлагаются огромные площади и ландшафты, что должны трансформироваться в среду, пригодную для проживания человека. Ее визуальный образ, подобно вашим произведениям, рождается из ничего. И тот размах, тот полет фантазии, что движет архитектором, порой замешивает в себе как торнадо людей, искусство и вещи утилитарного характера. Изначально, архитектор — тоже художник, но его творчество не столь свободно, оно регламентируется нормами и правилами, желаниями заказчиков. Отсюда двойственность этой профессии, она разрывается между творческим и техническим, и последнее не дает ей спуска. У живописца таких проблем нет, но ему кажется проблемой даже то, что архитектор или дизайнер зажег его дверь, через которую вносил произведения искусства в дом человека.

Эго. Позвольте вмешаться, раз уже мне пришлось пострадать от производственной травмы. Хотелось бы уточнить у архитектора: когда он отождествляет себя с художником или скульптором, не забывает ли он о смысле? Какой смысл несет произведение – важнейший вопрос для искусства, что даже в полнейшей пустоте художественного высказывания имеет определенный манифест.

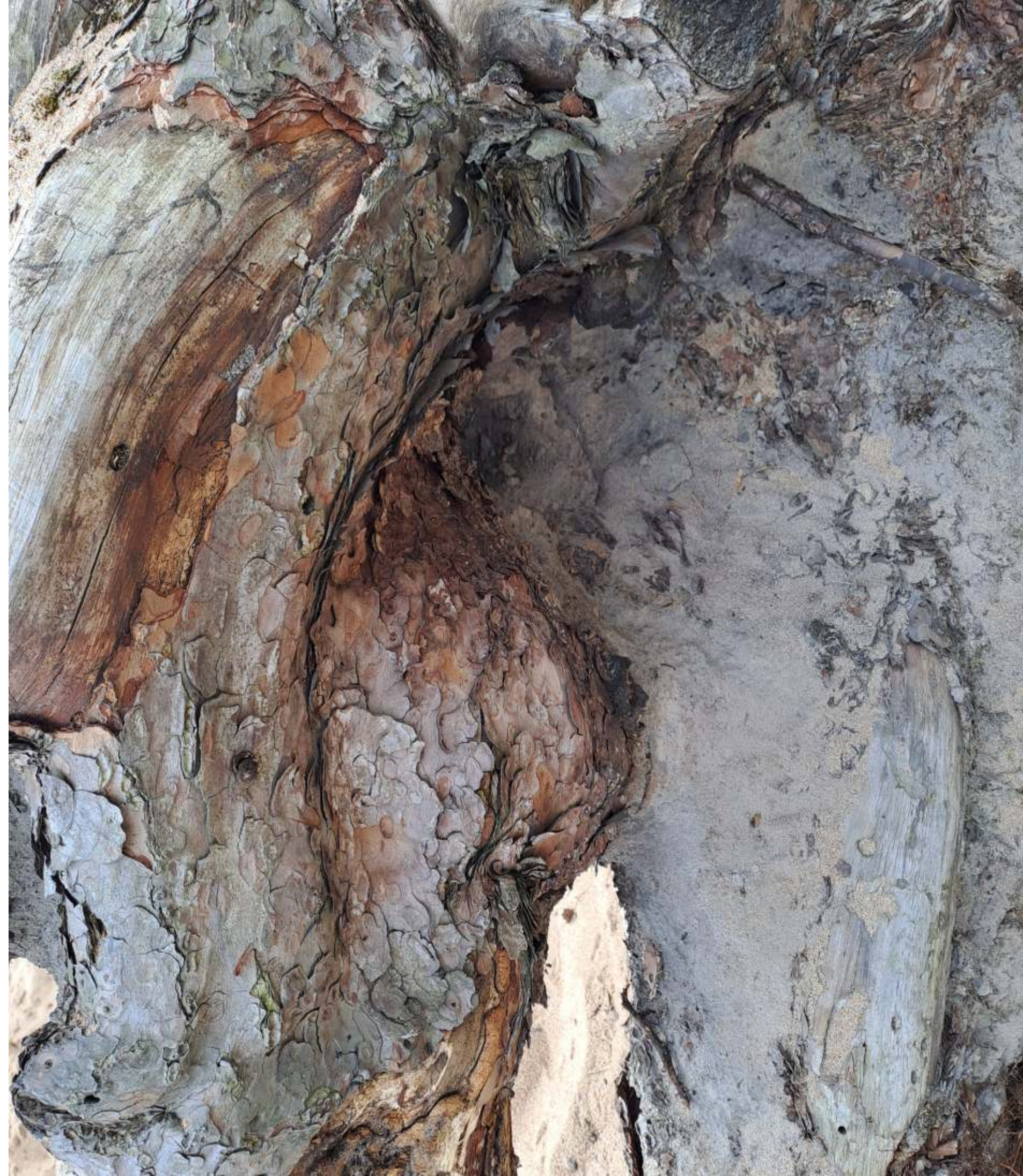
Архитектор. И действительно, как же я мог забыть о смысле? Не вы ли первые про него отказались в угоду нам?

Художник. Этот довольно спорный вопрос выдвинут в слишком резкой форме, и по общему тону беседы чувствуется, что сейчас самое время внести белый флаг. Унизив, после чего вдвойне неприятно быть униженным, хочется разобраться и поговорить в совершенно другой тональности. И здесь, действительно, пригодились бы белые полотна, как символ некоего нового начала. Все время обновляясь, живопись, по моему мнению, подошла к очередному этапу своей трансформации. Тенденция к постоянному изменению способов выражения художественного высказывания созвучна и с непрерывным развитием самого человека.

Архитектор. Мы только этим и занимаемся – создаем условия для развития человека. И если уж говорить о тенденциях, то искусство потихоньку вытесняется из жилища человека в том обилии и многообразии, что присутствовало в нем до этого.

Художник. Возможно, наша вражда тому виной? Архитектура отстранилась от живописи, ранее идущей с ней рука об руку. Как ты верно говоришь, разрываясь меж двух огней, между творческим, неосоздаемым и физическим началом, она отдала предпочтение второму, и, следовательно, нарушив тесный союз с искусством, что осталось одиноким под проливным дождем. И да, живопись устремилась вслед за дизайном и архитектурой, потеряв при этом их уважение, как девушка, преследующая своего кавалера. Сейчас архитектура, благодаря тенденциям к сохранению окружающей среды, все больше сливается с природой, это дает надежду на то, что живопись и архитектура снова встретятся в райском саду.

Несмотря на то, что последнее слово в этом диалоге было за художником, мы не можем быть до конца уверены, что архитектор с ним полностью согласился. Возможно, он счел его чересчур наивным и оттого замолчал, а может, что-то тронуло его, но если только в самой глубине души, достать откуда ответный месседж было невозможно. Так и пришел этот спор к завершению, но складывается ощущение, что и спора-то никакого не было, так как это всего лишь мысли в одной голове. Но пора из нее выбираться, а то можно дожидаться торнадо или попасть под лакричный дождь.

Вернувшись на лесную тропу, можно ощутить легкую усталость. Мы прошли довольно большой отрезок пути, и, будь у нас шагомер, можно было бы с легкостью похвастаться данными, что он зафиксировал. Сейчас, после такого бурного диалога, происходившего в моей голове, тема, что его начала, кажется уже совсем отдаленной, запутавшейся где-то в кустарнике. Результат обсуждения этих двух персонажей никак не помог обрести ни внутреннюю опору, ни закрепить крышу, скорее, наоборот, подверг конструкцию дополнительным испытаниям. Именно в этом и заключается задача внутренней комиссии – довести до такого состояния, до которого ни одна внешняя не доведет.

Это конечно же шутка. Изводить себя мне никогда не доставляло удовольствия и не шло на пользу общему эмоциональному состоянию, тем не менее мне доводилось этим периодически заниматься, особенно на ранних этапах творческого пути, когда я довольно редко встречала одобрение окружающих. В большинстве случаев отвергалась не техника и не сюжет, а скорее, ставилась под сомнение целесообразность выбранной мной деятельности. Желание, что вело меня, могло периодически утасать, но обязательно распалялось вновь. Зародилось оно во мне неосознанно в то время, когда я едва ли могла отвечать за свои поступки и принимать обдуманные решения.

Когда я была совсем маленькой, моя мама, дизайнер по профессии, а также автор и художник детских книжек, обставляла мою кроватку раскрытыми журналами с красивыми картинками, я разглядывала их и только так успокаивалась и прекращала кричать. Чуть позднее я взяла карандаш и начала добавлять в книги и журналы свое видение. Ничего необычного, конечно, все дети так делают, но если говорить о начале моего пути и распустить клубок из всех творческих проб и ошибок, то кончик этой нитки будет именно там, в первой линии, которую я сделала в книжке.

Пусть моя деятельность на тот момент шла по грани создания и разрушения, направлял ее некий внутренний импульс – желание не только познавать окружающую среду, но и создавать нечто новое. В более взрослом возрасте к этому желанию примешалась жажда кому-то что-то доказать, показать себя, и стремление внести свой вклад в искусство. Последнее носит, казалось бы, исключительно положительный характер, но на самом деле говорит лишь об апогее первых двух. Так, вокруг того первого естественного желания надулся мыльный пузырь, который рано или поздно, ввиду малой прочности данной конструкции, должен был лопнуть. Хлопок, с которым он разрушился, на время оглушил меня. Мне показалось, что влечение к творчеству ушло вместе с ним. Но вскоре звон в ушах прошел, и снова послышался зов из глубины души, подобный тому, что двигает ребенком, когда он творит.

Несмотря на то, что нить моего рассказа, подходя к его концу, завела в детство, она не планирует нас там оставить. Тропа, по которой мы идем, пусть и петляя, ведет вперед. Отсюда уже виднеется выход из леса, но находится он не там же, где вход.

Безусловно, выйти возможно и воспользовавшись входом. В литературном произведении так можно поступить, выстроив повествование в виде кольцевой композиции, а в жизни – проделав тот же путь в обратном направлении. Но наш с вами диалог завис между этими двумя понятиями – жизни и литературы, так как не является ни тем, ни другим в полной мере. Поэтому, думаю, легче будет воспользоваться выходом, отыскав его даже в такой непростой ситуации.

Просветы между деревьями становятся шире, они впускают в чащу леса все больше света. За ними виднеется лишь небо, будто дальнейший ландшафт резко прерывается и сливается с небесным пространством. Разгадать загадку такого эффекта довольно просто: небосвод отразился в водной глади озера, что отсюда кажется бескрайним. Мы постепенно выходим из тени деревьев, и наша кожа вновь становится доступной для ультрафиолета. Пора бы уже связать все вышесказанное воедино и сделать из этого какой-то логический вывод, но я бы не хотела вмешивать логику в нашу беседу, у меня даже есть ощущение, что больше не нужны и слова. Давайте просто полюбуемся видом.

